

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
NEW ADULT. МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ

Макс Далин
УБИТЬ НЕКРОМАНТА
КОРОНА, ОГОНЬ
И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Екатерина Звонцова
СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Ава Райд
ВОЛЧИЦА И ОХОТНИК

Дана Арнаутова
ГОД НЕКРОМАНТА.
ВОРОН И ВЕТВЬ

А. Л. Легат
ПРАВО НА МЕЧ
ТЕНИ ДВОЙНОГО СОЛНЦА

А. Л. ЛЕГАТ

ТЕНИ
ДВОЙНОГО
СОЛНЦА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ЛЗ8

Иллюстрация на переплете *ZABITY. Percival Liebe.*

Легат, А. Л.

ЛЗ8 Тени двойного солнца / А. Л. Легат. — Москва :
Эксмо, 2025. — 640 с.

ISBN 978-5-04-203584-5

Священник без веры в чудеса.

Дочь банкира, оставшаяся без матери.

Мастер лжи и пьяница без права на искупление.

И первый мечник, презревший свое мастерство.

Их пути сойдутся в Воснии, королевстве без короля.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А.Л. Легат, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-203584-5

I. ДОЛГИ И СТАРЫЕ ВДОВЫ

— Вам этхо ш рук не ш-шойдет-х!
Четыре гостя в подвале. Один — лишний.
Он сидел в полумраке на расшатанном стуле и угрожал. Я видела его вчера: за столом в гостиной, у камина. В дорогом акетоне и с кружевом на рукавах. Он красиво улыбался, показывая белые зубы без пропусков. Весь ухоженный, надушенный — выглядел дороже, чем стоил. Зачем-то хвалил еду и назвал Гуло остолопом.

Сейчас остолоп стоял позади и придерживал его за плечо.

Некоторых гостей в нашем доме видели всего один раз. Этого хорошо стригли и мыли перед тем, как он пошел против моего отца. Безднадежный красивый дурак. Сидит, лишенный всякой чести: нагой, в синяках и ссадинах. Только на бедра ему набросили старую тряпку, которой обычно моют полы или вытирают рвоту со столешниц в бараке. Если бы не я, этой тряпки бы там не было. Отец все еще считал, что я слаба.

— Иш-ш-пот семли дош-штанут, — почти крикнул вчерашний гость, сегодняшней пленник.

Отец повернулся ко мне, присел на одно колено. Его рука не дрогнула, когда он обхватил мою ладонь.

- Бельчонок, слушай очень внимательно...
- Всдержнут на вее!

А. Л. ЛЕГАТ. ТЕНИ ДВОЙНОГО СОЛНЦА

— ...это будет наш самый большой секрет. Дай слово, что никогда о нем не расскажешь.

— Да, отец.

Не стоило и спрашивать: в отличие от мамы, я всегда на его стороне. Отец поднялся с колена.

— Покажи, — он кивнул нашему псу — Гуло.

Тот вытянул руку пленника: потемневшую, распухшую, с торчащими в разные стороны пальцами, точно лапа у старой зарубленной курицы.

— Прикоснись, — чуть мягче сказал отец и подвел меня ближе.

Пленник завыл. Я поджала губы и провела пальцами по распухшей коже у запястья. Трогать дохлую крысу и то приятнее, чем людей, которых запирает отец.

— Выше, у ладони. Вот так. Чувствуешь?

Нос поморщился сам собой. Кривые линии. Метка, как на быках в загоне. Человек-бык. Я прыснула — и тут же опустила глаза в пол. Взрослые не смеются как дураки.

— Да, отец.

— Запомни ее как следует.

— Два кружка и две черты. Как два солнца и два горизонта, — зачем-то добавила я. — Мать двойного солнца?

Пленник всхлипнул и замычал. Отец покачал головой:

— Может, и так, только священники не носят меток, бельчонок.

«Бельчонок». Называл меня, будто я совсем мала и на меня нельзя положиться.

— Тогда кто он?

— Служит Его Величеству, — добавил Гуло.

— Это ложь, — поправил его отец.

— Гх, н-нет, в-все так, миледи, послуш...

Гуло ударил одной рукой, наотмашь. А второй придерживал стул. Голова пленника качнулась в сторону, на стене застыли брызги.

І. Долги и старые вдовы

– Гху, рвг-лх, – подбородок пленника коснулся груди.

Отец встал между нами.

– Слушай внимательно, бельчонок. Нет большего горя, чем повстречаться с носителем метки. С этого дня не подпускай ни одного из них слишком близко.

По лицу человека, которого положено бояться, ручьями стекал пот. А в его глазах стояли слезы. Уже больше страха, чем зла.

Ничего не понятно. Мама ничего не понимала и не задавала никаких вопросов. Именно потому мы с отцом остались одни во всем мире. И Гуло, но он пес.

– С меткой... но как я их узнаю, отец?

Пленник всхлипнул, Гуло снова поднял руку для удара.

– Со временем ты научишься отличать полезных людей от отбросов. Слугу от хозяина, друга от врага.

Враг не выглядел угрожающим, опасным или сильным. Но я все равно нахмурилась и скривила лицо. Мама не верила отцу, не понимала. Даже если я не понимаю, ни одно его слово не пройдет мимо.

Вера. Отец никогда не бывает не прав.

На стуле, сгорбившись, сидел опасный человек, который выглядел слабым. Запутывал, лгал. Змея, вылезшая из тени.

– ...И если ваши пути пересеклись, – отец чуть повернул голову в сторону пленника. Тот широко распахнул глаза и снова замычал. – Если встретится тебе отмеченный этим знаком, пусть твое сердце не знает пощады. Повтори за мной.

Отец сжал мою ладонь так же крепко, как сжимал руки матери перед тем, как попрощаться навсегда.

– Встретив врага, я не должна знать пощады, – перетерпев боль, ответила я.

– Гпр-рошу ф-фас, пхош-шалу...

Гуло ударил врага ладонью. И посмотрел на меня взглядом, полным жалости. Так, будто я была слабой и никчемной. Хуже хромого пса.

А. Л. ЛЕГАТ. ТЕНИ ДВОЙНОГО СОЛНЦА

— Слушай внимательно и запоминай, — рука отца легла на мое плечо. — Никто не должен увидеть вас вместе.

Пленник всхлипнул и дернулся на стуле. Я кивнула.

— В вашу первую встречу враг не должен назвать тебя по имени.

Я кивнула еще раз.

— И эта встреча должна стать для него последней.

— Пж-а-алста, — заскулил совсем не страшно страшный человек, — гсп-дшин когл...

— Повтори, — строго сказал отец.

Я подняла подбородок выше.

— Человек с меткой — мой враг. Если он подойдет слишком близко, но не назовет моего имени, я должна отдать его псам.

— Пвжалста, — стул скрипнул, грязные стопы заскребли по полу, пытаясь сдвинуть мебель. — Пвршу!

— Гуло, — коротко бросил отец.

Пес наклонился над пленником, обхватил его голову.

— Нгет-нхе!..

Хрусть! Что-то сломалось, и враг перестал быть страшным.

Отец посмотрел мне в глаза. Очень усталый, тяжелый взгляд. Усталость, причину которой я обязательно узнаю, когда стану женой.

— Его одежду уже сожгли, и ты в будущем поступишь так же, — сказал отец.

— Я сожгу все вещи врага и... избавлюсь от его коня, если он приедет верхом, — с вызовом ответила я.

— Ты и правда мой бельчонок, — обычно отец улыбался, когда хвалил и обнимал. Но не сегодня, не в этот раз.

Под моим врагом растеклась смешная позорная лужа. Гуло поднял тело одной рукой, будто держал тук с соломой, и стал подниматься по лестнице. Он нелепо сутулился, едва умещаясь под низким потолком и балками. Распухшие руки

І. Долги и старые вдовы

с клеймом волочились по ступеням, слегка подскакивая на каждом шаге. Взвизгнули петли двери, и Гуло исчез во тьме.

— От тела не должно остаться ни одной кости. — Отец придвинул меня ближе и сказал совсем тихо. — О том, что вы встретились, должны знать только ты и я.

Я повторила:

— Никто не узнает.

И мы вышли в ночь. Крупная тень — Гуло и его ноша — двигалась к хлеву, срезая путь по грязи. Мы шли следом, но не как псы: по садовой тропинке, чтобы не испачкать обувь.

— Пора ложиться, бельчонок, — отец хотел меня прогнать.

Не замечал, что я уже доросла до его плеча. Селяне болтали, что наша семья не удалась ростом. Я знала, что во всем Криге не было человека выше, чем мой отец. А скоро — не будет и в целой Воснии.

— Тем летом больная птица упала в загон, — сказала я.

Отец вздохнул, но не настоял на своем.

— От нее не осталось даже перьев. Я видела. Я не боюсь. В молчании мы продолжали идти.

— Иногда ты так похожа на свою мать...

«Только я никогда не погибну так глупо, как она», — промолчала я.

Отец умен и всегда желает лучшего своей семье. Даже псам. Потому я всегда буду рядом. Буду делать то, что нужно. Буду верить. Верю.

Скот в хлеву спал, только стрекотали кузнечики и гудел ветер. Свежий корм перекинули через ограду, и с тихим всплеском он упал в нечистоты. В хлеве проснулась жизнь.

— Они голодны даже ночью, миледи.

Гуло обернулся и встал так, чтобы я не видела трапезу. Свиньи не знали манер. Даже в черноте ночи блестели их мокрые рыльца. Пес всегда считал меня слабой, потому что ничего не понимал.

Я спросила шепотом:

А. Л. ЛЕГАТ. ТЕНИ ДВОЙНОГО СОЛНЦА

— Отец, но что, если гость назвал бы меня по имени?

— Это бы значило, что они выбрали тебя.

Я дернула подбородком:

— И что тогда?..

За оградой чавкали свиньи. Гуло еле слышно напевал себе под нос. А может, молился. Отец опустил на оба колена, в самую грязь, и обнял меня так, что стало тяжело дышать.

— Тогда только боги смогли бы нам помочь, Сьюзан.

Такого голоса я боялась больше, чем всех врагов, вместе взятых.

На следующее утро вместо Гуло нас охранял новый пес. Отец ничего не сказал. В тот день он поверил, что я уже достаточно выросла, чтобы понимать все с первого раза.

Сьюзан Коул. Через двенадцать лет, Волок

— Я вам сказал, милейшие: у меня ничего нет, — в голосе Руфуса проступали истерические ноты.

Любому пьянице в Волоке было известно, что «милейшими» моих псов не назвала бы и Мать двойного солнца, воплощение милосердия. Неразговорчивый горец-каторжник и безмозглый мясник, который строит из себя рыцаря. Горе-охранники. Цепные псы.

Вуд молча ждал драки. Джереми по-хозяйски водил пальцем по опустевшим полкам серванта. В один из дней этот лоботряс поймает стрелу, засмотревшись на паутину в углах. Я обвела взглядом темную комнату. Паутины здесь и впрямь было в достатке.

Человек без дела вполне может навести чистоту. Впрочем, именно из-за лени этот слизняк — Руфус Венир — и влез в долги.

І. Долги и старые вдовы

– ...говорю и в третий раз: я гол как сокол!

Наглая ложь. Этот разговор шел уже пятый сезон, а у него все еще остались портки, рубаха и обувь.

– Миледи, – Руфус начал пресмыкаться, – я устал повторяться. Ничего у меня нет и не возьмется из ничего хоть что-то, поймите...

Возможно, все графы – отменные лжецы.

– Вы прекрасно знаете, что именно у вас есть, господин Венир, – напомнила я.

«И мы знаем об этом не меньше вашего, особенно после того, как мой отец пьянствовал с вами около пятнадцати лет назад».

Лицо Венира сделалось болезненно-серым.

– Позвольте, – выпалил он, – Сьюзан... э-э... миледи Коул! Вам должно быть прекрасно известно, что наделы не являются каким-то горшком, э-э, товаром для купца или обновкой, которую передают из прихоти...

Из щелей у окна страшно дуло. Я прошла в комнату, приблизилась к столу, и Джереми тут же протер единственный стул краем своего плаща.

Руфус заговорил громче:

– И если так станется, что землю станут торговать или, быть может, оставлять любой черни за пару серебряков, – от этого слова его лицо перекошилось, – если лорды и Его величество больше не распоряжаются землей, как прежде... что будет с нашим краем, Воснией?

Стул скрипнул. Руфус стал заискивать:

– Или с домом Восходов, миледи?..

Я деликатно улыбнулась. С одной стороны, благодаря Восходам наш банк в Волоке начал процветать. С другой – Восходы и Долю вызывали во мне лишь один интерес: на каких условиях любой из ставленников захочет взять займ. Я подыграла.

– Что станется, господин Венир?

А. Л. ЛЕГАТ. ТЕНИ ДВОЙНОГО СОЛНЦА

Хозяин дома распаялся:

— Форменное безобразиe! Мы уподобимся этим дикарям, обитателям болот. Нет, даже хуже! Восния всегда была королевством, а не... э-э, купечеством, не каким-нибудь рынком, знаете ли. Камня на камне не останется, будьте уверены. Сегодня они раскупят надель, а завтра, того гляди, купят и вас, как какую-нибудь, простите, крестьянку! Дочь горшечника! Свинопаса! Не станет и вашего банка...

— А может, наконец отпадет нужда проливать кровь за право распоряжаться землей? — чуть улыбнулась я.

— Так было век назад, и не нам с вами судить, миледи, о том...

— Старые порядки на то и стары, — я переплела пальцы рук, чтобы погреть ладони, — они дряхлеют, господин Венир. Такова жизнь: дряхлое увядает, чтобы уступить место новому, сильному, полному жизни. Край, где почитают дряхлость, становится кладбищем.

— Помилуйте, Сью... э-э, миледи Коул! Вы же разумная женщина, и...

— Именно потому я здесь. Протягиваю вам руку помощи. Вы разорены, господин Венир. Независимо от того, как ведут дела Долы, Восходы или что покупает чернь. Я предлагаю лучшее решение...

— Как предложили в тот проклятый год?! — Венир потерял лицо.

— Вы нуждались в помощи, и вам ее оказали.

Признаться, так быстро истратить все, что предложил контракт, — настоящий талант. За каких-то пять лет! Что нужно делать: не вылезать из борделей, завтракать породистыми скакунами? Играть в карты на сотни золотых? Подавать беднякам?

Восния обречена.

— Помощи?! — вскрикнул Венир. — Да тогда я был сказочно богат! До встречи с вашим семейством...

І. Долги и старые вдовы

«Уже в те времена задолжал около двух тысяч каким-то наемникам из Гарготты. И до сих пор не сознался за что».

Вуд молчал, не показывая никакого интереса к происходящему. Его волновало одно: когда можно приступить к делу и пустить кровь. Почему-то мужчины, прибывшие с гор, всегда желали утвердиться. Если сегодня крови не будет, Вуд приступит к оскорблениям, чтобы начать драку.

Удивительно, но эти псы — Джереми и Вуд — продержались дольше всех. Возможно, я становлюсь слишком мягкой.

Я резко поднялась и расправила складки на платье.

— Дело ваше, господин Венир. В конце концов, кто мы с вами такие, чтобы нарушать естественный порядок вещей! Сегодня же я обращусь в суд Его Величества с просьбой разрешить наш спор. Уверена, справедливость возторжествует, сохранив устои нашего общества, на котором и держится благополучие всех и каждого...

Венир уже позеленел. Впрочем, в петле он будет выглядеть еще хуже. Одному солнцу известно, отчего в Воснии предпочитают повешения.

— Вы... вы и вправду собираетесь... — Он прервался и уперся рукой в старую балку. Я с опаской посмотрела на потолок. Удивительно, что мы все еще живы.

Вуд хохотнул. Почуял расправу.

— Боюсь, традиции и законы нашего общества не оставляют мне иного выбора. — Я посмотрела на Джереми: тот гнул спину, стараясь выглядеть благородным. — Все-таки, это наша четвертая встреча со дня последней выплаты.

Петля так петля. Люди часто выбирают худшее, полагаясь на удачу. Даже когда очевидно, что никакой удачи у тебя не было пятый год.

— Но, миледи, вы...

Я пошевелила пальцами ног и поежилась — в доме постоянно гуляли сквозняки.

А. Л. ЛЕГАТ. ТЕНИ ДВОЙНОГО СОЛНЦА

— Доброго вечера, господин Венир. Постарайтесь заделать щели у окон.

Вуд включился в беседу:

— Да-да, зима, рассказывают, грядет холоднющая. Долгая.

Джеремии уже приоткрыл дверь в город, и ледяная осень заколыхала паутину в углах. От порога разбегалась уличная пыль.

— Проклятье. Святые мученики! Будь по-вашему, — еле слышно ответил Венир и рухнул задницей на кованный сундук. Задница его уже давно не была столь велика, как в былые годы.

— Чего-чего? — громко уточнил Вуд, ибо больше всего любил именно эту часть беседы. Унижения.

— Я согласен, раздери их всех боров! Давайте сюда ваши бумаги или что там... Святые мученики и их доброта, да простит меня милосердная Мать солнца...

А граф еще не потерял последний ум. Пытается торговаться, подловить меня.

— Никаких бумаг. Я буду ждать вас в главном здании «Арифлии и Коул». — Руфус показался в этот миг совсем старым и немощным. — После полудня.

Он покачал головой. Сквозняк так и завывал, прорываясь сквозь щели и распахнутую настежь дверь. Вуд наслаждался больше всех — этот крупный горец, не знающий холода. Должно быть, его родили в снегу.

— Без бумаг? Явиться лично?.. Все по закону, скажете? — Руфус придержал ворот рубахи, стараясь сохранить тепло.

— Законы созданы людям в помощь, не так ли? Я рада, что даже в столь тяжелые времена мы можем помочь друг другу, господин Венир. Не заставляйте меня ждать до темноты, — я подарила ему улыбку. Ту, которую ждет человек, чья жизнь оказалась в твоих руках. Ту, которая на самом деле ничего не стоит и ничего не обещает. Крохотное оружие большой власти.

І. Долги и старые вдовы

– Я никогда не опаздываю, миледи Коул, – прохрипел он. «Еще бы! С тех пор как тебе совершенно нечего делать, кроме кутежа в долг».

– Вот и славненько. – Вуд вместо улыбки знал только как скалиться и щериться. Я вышла на улицу, пытаясь решить, какая из его гримас казалась мне менее отвратительной.

– Стойте!

За спиной захрустели шаги. До чего же грязный пол...

– Погодите! – Венир встал на пороге и ухватил меня за рукав.

Я остановилась, посмотрела из-за плеча. Станет ли торговаться, молить или упрется рогом, полагая, что у него остался выбор? Пусть не питает надежд. Эту роскошь себе могу позволить только я.

– Скажите ради всего святого, миледи, – лицо Руфуса скривилось, – когда и почему вы сделали такой сукой?

Вуд сделал шаг вперед и уже вцепился в свою палицу. Я коснулась пса и слегка мотнула головой.

– До встречи, господин Венир. – Рукав бесшумно выскользнул из чужих пальцев. – Не забудьте одеться перед выходом.

Старый приятель моего отца осмотрел заношенную рубашу с дорогой вышивкой, протертые портки, которые висели на его исхудавшем теле, и растрескавшиеся сапоги из воловьей кожи. На подгипе еще можно было различить тиснение, признак бывшего достатка.

Мы оставили разоренного графа в молчании и не оборачивались. За поворотом на главную улицу, откуда виднелся банк, Джереми начал подлизываться:

– Вы улыбаетесь. Да? Верно, так и есть. Он вас чем-то развеселил, миледи?

Тяжелые времена. Мои псы больше крутятся перед носом и паясничают, нежели выполняют свою работу. Вуд коротко отрезал: